

ЛЮДИ И ПРАВЫ

ВРЕМЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

LITERATUR UND GESELLSCHAFT IN FRANKREICH ZUR ZEIT DER REVOLUTION 1789 — 94
VON LOTHARISSEN.

III.

Восемнадцатое столѣтіе объявило войну всѣмъ выдающимся авторитетамъ во Франціи. Но была одна сила, противъ которой не рѣшались возстать даже самые смѣлые новаторы. То была сила женскаго вліянія, которое прошло нетронутымъ черезъ всѣ историческія превратности и сохранило за собой свое господство въ цѣлости. Безъ женскаго покровительства не была возможна никакая слава; никто не достигалъ ни почестей, ни значенія, если не находилъ опоры въ женщинахъ. Онѣ произносили судъ не только надъ поэтами и художниками, но и надъ учеными. Даже государственные и военные люди восемнадцатаго вѣка, или по крайней мѣрѣ тѣ, которые считали себя таковыми, должны были рыцарски преклоняться передъ женщинами, если хотѣли занять прочное положеніе между современниками. Франція въ теченіе прошлаго столѣтія была школой утонченной любезности въ обращеніи и изысканности въ языкѣ.

Но быть любезнымъ одно, а мыслить и дѣйствовать въ иберальномъ духѣ другое. Какъ ни казалось блестяще положеніе

женщины во Франціи, при ближайшемъ разсмотрѣніи блескъ являлся чисто внѣшнимъ. Неограниченное господство женщины было чистая мечта, — въ дѣйствительности она всю свою оставалась безправной и безвластной. Даже и въ позднѣйшее время женщина въ Германіи пользуется гораздо большей свободой, самостоятельностью и уваженіемъ, чѣмъ во Франціи, ей, можетъ быть, оказываютъ болѣе внѣшняго почета.

Это извращенное положеніе вещей особенно ярко выступало въ знатныхъ французскихъ семействахъ. Самое появленіе на свѣтъ дѣвочки встрѣчалось недоброжелательно отцомъ, который считалъ наследника своему имени, и даже матерью. Едва дѣвушка немного подрастала, родители, образъ жизни которыхъ не позволялъ имъ держать близъ себя невинное дитя, спѣшили отдать ее въ какой-нибудь изъ аристократическихъ монастырей, гдѣ она, лишенная отъ материнской любви, получала самое поверхностное и чисто внѣшнее образованіе. Лишь только дочь достигала возраста, когда дѣвушка можетъ вступать въ бракъ, ее тотчасъ брали изъ монастырскихъ стѣнъ и въ силу холодныхъ семейныхъ расчетовъ выдавали мужу, котораго она вовсе не знала. Тотъ немедленно вводилъ ее въ шумное, легкомысленное общество тогдашней аристократіи. Мудрено-ли, если она, быстро разочарованная, съ пустымъ сердцемъ, терзаемая честолюбіемъ, только о томъ и думала, какъ бы ей забыться среди веселья, или, путемъ интриги, достигнуть власти? Всѣ мемуары того времени, и въ особенности записки известной госпожи Жанлисъ, отлично рисуютъ это положеніе вещей. Съ подобнаго рода умственной пустотой какъ нельзя лучше уживалось кокетничанье съ наукой, въ которомъ такъ отличались дамы второй половины прошлаго столѣтія. И въ бытность свою не одна жажда къ познаніямъ побуждала госпожу Жанлисъ и другихъ знатныхъ дамъ изучать классическіе языки, философію и физику. Это мнимое рвеніе къ наукѣ помогало имъ проводить время и давало возможность легче и естественнѣе прикрываться невѣрующими, когда это входило въ ихъ расчеты. Та была эпоха Гольбаха, Гельвеціуса, Ла-Метри.

Не столько безотрадное зрѣлище представлялъ семейный бытъ провинціального дворянства. Хотя жизнь въ замкахъ и была лишена всякой умственной пищи, по крайней мѣрѣ она не дѣйствовала такъ разрушительно на нравственные силы и не унижала способности приносить себя въ жертву высшимъ интересамъ. Женщинамъ этого класса во время революціи особенно приходилось выказывать свое мужество и хладнокровіе въ опасныхъ случаяхъ. Изъ ихъ среды вышла Шарлотта Кордэ, ко-

торая, дѣйствуя въ духѣ героической древности, думала своею смертью купить свободу отечества. Изъ ихъ же среды выступила мужественная маркиза де-Ларошъ-Жакленъ, которая во время вандейскаго возстанія выходила на поле сраженія и своимъ присутствіемъ воодушевляла солдатъ. Къ ихъ же сословію принадлежала и кроткая, благочестивая мать Ламартина, которую поэтъ въ такой любовью изображаетъ въ разсказѣ о своей собственной идиллически проведенной молодости въ Милли, во время террора.

Будущность Франціи явно зависѣла отъ средняго сословія, которое еще хранило въ себѣ зародышъ свѣжей, здоровой жизни. Замѣчательно, что въ среднемъ сословіи женщина имѣла гораздо болѣе вліянія, чѣмъ въ высшемъ кругу. Семейство не было лишено здѣсь своего внутренняго содержанія, и женщина находила въ немъ возможность примѣнять къ дѣлу свою полезную, благотворную дѣятельность. Дочери родителей, принадлежавшихъ въ среднемъ классу, правда, также воспитывались въ монастыряхъ, но онѣ не оставались такъ долго въ разлукѣ съ матерями и рано возвращаясь домой, принимали участіе въ ихъ трудахъ, радостяхъ и печаляхъ.

Прекрасную картину такого семейнаго быта мы находимъ въ воспоминаніяхъ госпожи Роланъ. Въ этомъ кругу, молодые дѣвушки также занимались различными серьезными предметами и наукой. Было очень много женщинъ, изучавшихъ классическія языки и литературу, математику и физику. Госпожа Роланъ разсказываетъ, какъ она на девятомъ году восторгалась Плутархомъ, нѣсколько позже занималась богословскими науками, а потомъ съ жадностью предалась философіи, въ которой искала успокоенія своему пытливному уму. Такого рода серьезныя занятія пробуждали въ женщинахъ стремленіе къ идеаламъ, которое заставляло ихъ чрезвычайно дѣятельно распространять новыя идеи.

Всѣ общественныя и политическія преобразованія до сихъ поръ ничѣмъ существенно не измѣнили положенія женщинъ. Государственные перевороты касались ихъ только слегка, потому что ихъ всегда старательно устранили отъ всякихъ политическихъ вопросовъ. Изреченіе: *Mulier taceat in ecclesia*», — всеобщее и повсюду было въ большемъ ходу, и даже въ частномъ быту женщину смотрѣли, какъ на несовершеннолѣтнюю, какъ на ребенка.

Многіе первостепенные умы уже давно возставали противъ такого рода позолоченнаго рабства. Направленіе эпохи, о которомъ мы говоримъ, повидимому, обѣщало уничтожить его. Французскіе и англійскіе романисты, и во главѣ всѣхъ Ричардсонъ, своимъ

романами глубоко трогали чувствительныя сердца, то Руссо въ своемъ «Элоизѣ» внезапно коснулся такихъ струвъ челоѣческой души, существованія которыхъ до него, повидимому, никто не замечалъ. Онъ смѣло поднялъ голосъ на защиту правъ сердца противъ узурпанціи условныхъ приличій; онъ въ самой страсти открылъ для женщинъ добродѣтели и потребовалъ для женщины самостоятельности и свободы. Кромѣ того, рисуя въ своемъ «Эмилѣ» картину извращеннаго воспитанія дѣтей, онъ указывалъ матерямъ на ихъ прямыя обязанности. Умы все болѣе и болѣе приходили въ движеніе въ этомъ направленіи. Какъ молнія, сверкая по мрачной душной, грозной атмосфере, очищаетъ воздухъ, — картинно выражается Геттнеръ, — такъ блеснуло передъ челоѣчествомъ освѣщеніе, что его возрожденіе и обновленіе должны выдти изъ рукъ самого. Неудивительно, если революція, представшая въ качествѣ общественнаго прогресса, была съ радостью встрѣчена женщинами. Именно образованный кружокъ женщинъ, обыкновенно наиболѣе опасавшихся государственныхъ волненій, съ особеннымъ восторгомъ привѣтствовалъ зарю новаго времени, и много прекрасныхъ женскихъ личностей поднимаются передъ нами изъ этой эпохи.

Приверженцы стараго порядка вещей нерѣдко старались бороться съ новыми идеями, и преслѣдовали дамъ, занимавшихся политическими вопросами. Такъ въ началѣ революціи одинъ журналъ, «l'Eschappé du salin», громко жаловался на то, что хозяйки дома, вмѣсто того, чтобы по прежнему миролюбиво царствовать въ спокойныхъ семьяхъ, теперь, возсѣдая за чайнымъ столомъ, сильно смахиваютъ на воинственную царицу амазонокъ, Пентезилаю. Онѣ не только вмѣшиваются въ разговоръ, толкуютъ о вопросахъ дня, но и въ жару спора часто обвариваютъ себѣ кипяткомъ руки, или обливая чашки, обливаютъ свои повья платья. Эти насмѣшки, конечно, бывали иногда вѣрны, но преступленіе во всякомъ случаѣ было не велико. Могло бы показаться гораздо болѣе удивительнымъ, если бы женщины держались въ сторонѣ отъ всеобщаго движенія и оставались равнодушными къ вопросамъ, которые только же касались интересовъ государственныхъ, сколько и интересовъ отдѣльныхъ семействъ. «Все тщеславіе нынѣшнихъ молодыхъ людей, — говоритъ одинъ писатель, — заключается въ томъ, чтобъ при входѣ въ салонъ, какъ-бы невзначай выронить слова; во-вторыхъ, въ томъ, что они возвращаются прямо въ революціоннаго клуба. Если они къ этому еще могутъ прибавить свѣдѣніе о какомъ-либо предложеніи, которое имъ удавалось сдѣлать, то они немедленно превращаются въ героевъ

вечера; всѣ взоры устремляются на нихъ, всѣ сердца распегаются въ ихъ пользу». Моднымъ мѣстомъ сборища были теперь уже не опера и не театръ, а залы національнаго собранія въ время засѣданій, куда получался доступъ по билетамъ, за которые иногда платились служителямъ огромныя деньги.

Совершенно естественно, что въ обществѣ, гдѣ мечтали кресить древнія спартанскія добродѣтели и подвиги римскихъ греческихъ героевъ, женщины полагали всю свою славу въ томъ, чтобъ быть «гражданками». Слышать, какъ ихъ привѣтствовали этимъ именемъ, было для нихъ истиннымъ наслажденіемъ. Нестоящая, чистая, святая свобода составляла идеаль, который въ во многихъ благородныхъ женскихъ сердцахъ, пока имъ не пришлось съ горечью убѣдиться, что время всѣхъ этихъ благъ на землѣ далеко еще не настало.

Женщина, въ которой особенно ярко выразилось это направленіе, была знаменитая госпожа Роланъ, жена министра Ролана.

Эта замѣчательная женщина писала свои извѣстные мемуары въ послѣдніе дни жизни, проведенные въ заточеніи въ Аббатствѣ», въ ежеминутныхъ ожиданіяхъ смертнаго приговора. Тогда ея воспоминанія тѣмъ не менѣ такъ свѣжы и спокойны, какъ будто бы она ихъ повѣряла бумагѣ въ мирномъ и безопасномъ загородномъ пріютѣ, который особенно любила. Спокойное повѣствованіе разсказа только время отъ времени прерывается у нея въ хомъ о судьбѣ дочери, или замѣчаніемъ объ ея собственномъ процессѣ. Если подъ копецъ у нея и вырываются энергичныя выраженія, то они во всякомъ случаѣ совершенно чужды чувства ненависти къ врагамъ. Въ виду смерти воспоминанія о ранней молодости пріобрѣтаютъ въ ея глазахъ особенную прелесть. Ея разсказъ дышетъ поэзіей и поражаетъ художественностью повѣствованія. Отецъ ея, Габриель Флипонъ, былъ граверъ и крѣпко того занимался покупкой и перепродажей драгоценныхъ камней, что давало ему возможность существовать скромно, но безъ военныхъ лишеній. Дочь его, Марія-Жанна, имѣла въ своей жизни истиннаго друга и опоры. Съ какимъ неподдѣльнымъ интересомъ вспоминаетъ она въ своихъ запискахъ о воскресныхъ прогулкахъ съ родителями въ Мёдонъ или Сень-Клу. Разсказъ объ этихъ простыхъ событіяхъ, которыя вводятъ насъ въ среду этого наго семейства изъ средняго сословія, напоминаетъ идилическое описаніе Бернардена де-Сень-Пьера и можетъ служить образцомъ французской прозы. Отъ природы благочестивая, госпожа Роланъ на одиннадцатомъ году своей жизни была по собствен-

желанію отдана въ монастырь. Тамъ она оставалась одинъ годъ, а затѣмъ вернулась въ семью, гдѣ шло ея дальнѣйшее развитіе. Серьезный складъ ума и пылкая любознательность влекли ее все дальше и дальше. Начавъ свои занятія съ произведеній Франциска де-Салля, она перешла къ сочиненіямъ извѣстнѣйшихъ богомысловъ своего времени, а потомъ мало-по-малу и къ философамъ, какъ Декартъ, Мальбраншъ и Дидро. Послѣдніе приковали ея вниманіе, хотя не могли обратить ее къ своему ученію. Она съ внутреннимъ трепетомъ искала разрѣшенія великихъ загадокъ творенія и Божества и ни одно изъ этихъ ученій ее не удовлетворяло. Что въ типинѣ кабинетной правилось ей въ ученіи энциклопедистовъ, то казалось ей ложнымъ, когда она видѣла себя посреди воодушевленной природы, лицомъ къ лицу съ высшими проявленіями творческой силы, которыя возбуждали ея духъ и заставляли искать иного разрѣшенія великой тайны.

Мать желала видѣть ее пристроенной и она, въ угоду ей, вышла въ 1770 г. замужъ за Ролана, который былъ гораздо старше ея и занималъ должность главнаго инспектора промышленности и мануфактуръ. Впослѣдствіи онъ составилъ себѣ имя многими техническими сочиненіями. Когда во время революціи онъ былъ министромъ, домъ его привлекалъ многочисленное общество и госпожа Роланъ стала центромъ политическаго кружка, который занималъ господствующее положеніе. Роланъ принадлежалъ къ партіи жирондистовъ и съ паденіемъ ихъ, въ маѣ 1793 г., принужденъ былъ бѣжать. вмѣсто его была задержана его жена и подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ отправлена на эшафотъ, гдѣ и погибла 10-го ноября 1793 г. Если она въ своихъ мемуарахъ выказала большую нравственную силу, не покидавшую ее до послѣдней минуты, то съ другой стороны чрезвычайно ярко выставила въ нихъ прогнорбчія, составлявшія отличительную черту положенія, въ которомъ тогда находились женщины. Въ преувеличенномъ стремленіи сообразоваться съ требованіями этого времени и въ усиліяхъ выказать себя достойными его, женщины нерѣдко теряли чувство стыдливости и женственной сдержанности.

Госпожа Роланъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о своей заурядности съ мельчайшими подробностями. Она описываетъ свою фигуру, талію и всю фигуру, такъ хладнокровно, какъ будто бы она шла о мраморной статуѣ. Затѣмъ ея раздирающее душу признаніе съ мужемъ и рядомъ съ нимъ съ какимъ-то другимъ человекомъ, котораго она не называетъ, доказываетъ, какъ даже въ общественной личности могла уживаться вмѣстѣ съ попятіемъ о супру-

жеской вѣрности идеальная любовь къ другому. Гильотина, по видимому, не впускала господѣ Роланъ ни малѣйшаго страха. Она горько шутила надъ ней и утверждала, что ей не страшно эшафотъ, на который она взойдетъ въ отличномъ обществѣ: ей напротивъ было противно долге жить посреди такого громаднаго числа преступниковъ. Она пошла на смерть, какъ вдохновенная пророчица, одѣтая въ бѣлый праздничный нарядъ. Умирая со свои убѣжденія, она на мѣстѣ казни привѣтствовала статую свободы слѣдующими знаменательными словами: «О свобода, какіе преступления совершаются въ твое имя!» Роланъ не долго пережилъ ее. Когда до него дошло извѣстіе о ея смерти, онъ покинулъ свое убѣжище близъ Руана, нѣсколько времени скитался по окрестностямъ и, наконецъ, самъ покончилъ съ жизнью, чтобъ избѣжать смерти на эшафотѣ, которая повлекла бы за собой конфискацію его имущества и тѣмъ лишила бы наслѣдство его дочь.

Тотъ же самый духъ, который воодушевлялъ г-жу Роланъ, закалилъ еще и многихъ другихъ женщинъ. Смотря на поступокъ Шарлотты Кордэ, какъ на нравственное заблужденіе, ей все-таки нельзя отказать въ патріотическомъ самопожертвованіи. Мы могли бы указать цѣлый рядъ благородныхъ женщинъ, которыя спокойно шли на встрѣчу смерти, чтобъ запечатлѣть ею свои убѣжденія или спасти кого-нибудь изъ близкихъ. Исторія сохранила только ничтожную часть трогательныхъ событій, которыя въ то время ежедневно повторялись въ каждой провинціи, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждой тюрьмѣ. Довольно будетъ указать на Лизиль, молодую жену Камилла Дюмулена, которая, показавъ большое мужества, чѣмъ опъ, побуждала народъ къ возстанію противъ главныхъ виновниковъ терроризма. Послѣ смерти мужа, она намѣреніемъ разразилась горькими и гнѣвными упреками со убійцамъ, чтобъ тѣ вслѣдъ за нимъ и ее отправили на эшафотъ. Можно также упомянуть объ Олимпіи де-Гужъ, которая печально выступила съ защитой Людовика XVI и была за то казнена¹⁾.

Такія явленія отрадпо, утѣшительно дѣйствуютъ на душу, которую, съ другой стороны, глубоко возмущаетъ зрѣлище ра-

¹⁾ Олимпіи де-Гужъ, по словамъ нѣкоторыхъ, незаконная дочь Людовика родилась въ 1755 г. и кончила свое существованіе 3-го ноября 1793 г. Она замужемъ, но вскорѣ разошлась съ мужемъ, писала комедіи и романы, горячо сочувствовала революціи и писала въ защиту освобожденія женщины. Но по вліяніемъ со гражданія, она объявила себя защитницей королевской семьи и навлекла на себя гоненія и смерть.

революціи мегеръ, вышедшихъ изъ столичной черни и предававшихся самымъ отвратительнымъ излишествамъ.

Въ теченіи этого времени, занимающаго пространство всего нѣсколькихъ лѣтъ, но ознаменованнаго великими, міровыми событиями, прежняя утонченная свѣтскость вовсе исчезла изъ общественныхъ нравовъ. Но за то женщинамъ блеснула надежда на возможность найти свою дѣятельность и заслужить истинное уваженіе къ своему полу.

Несмотря на всѣ свои крайности, революція почти осуществила эту мечту, но Директорія разсѣяла ее снова.

За царствомъ ужаса наступило царство разврата. Женщина спустилась съ высоты, на которую поднялась — было во время революціи. Она снова обратилась въ царицу общества, моды и позвъ, но у нея опять отняли право на свободное, независимое существованіе. Наполеонъ окончательнo скрѣпилъ это въ своемъ кодексѣ, объявивъ женщину несовершеннолѣтней въ теченіи всей ея жизни.

IV.

Политическое и парламентское краснорѣчіе, которое уже около восьмидесяти лѣтъ играетъ во Франціи такую важную роль, можетъ еще скорѣе чѣмъ періодическая печать, быть названо произведеніемъ революціи. Въ прежнія времена, выборные отъ народа ни сужденіями о дѣлахъ, ни рѣшеніями не участвовали въ управленіи страной. Генеральные штаты, собиравшіеся при прежнихъ короляхъ, не составляли исключенія. Они много спорили въ пользу гласности, но не имѣли ораторовъ, потому что были лишены права исполнѣ быть подавлена, — такъ какъ различнымъ партиямъ, только онѣ хотѣли существовать, необходимо было дѣйствовать, — то политическія пренія, за отсутствіемъ трибуны, обыкновенно переносились на церковныя кафедры и въ судебныя залы. Въ время лиги, фанатическіе монахи возбуждали парижанъ къ возстанію противъ короля, къ цареубійству, къ повторенію реоломеевской ночи, потому что, говорили они, «Франція больна и можетъ вылечиться только хорошимъ глоткомъ французской революціи, но еще далеко не составляетъ такъ-называемого публичнаго краснорѣчія. Въ судахъ адвокаты могли говорить чаще и больше, но безъ гласности, о которой тогда и не было, истинное краснорѣчіе невозможно. Подъ ста-

рымъ режимомъ во Франціи могли процвѣтать только придворныя проповѣди, да надгробныя или льстивыя похвальныя слова, которыя въ томъ видѣ, какой имъ сообщили Массильонъ и Бюссюэ, достигли классическаго совершенства.

Съ открытіемъ національнаго собранія въ маѣ 1789 года въ Версали, народныя представители обнаружили большую неопытность. У ораторовъ не было ни преданій, ни школы, ни образцовъ. Ими руководили только возбужденное настроеніе умовъ, состраданіе къ народу, ожидавшему отъ нихъ спасенія, быстрая ходьба событій и внезапно выступившіе на свѣтъ великіе вопросы, которые всякаго, хоть сколько-нибудь къ нимъ причастнаго, невольно воодушевляли и подкрѣпляли.

Любимыми представителями этой молодой, кипучей эпохи были самыя молодыя и горячіе ораторы. Воинственно-настроенные своими избирателями, депутаты являлись въ Парижъ большею частью преисполненные надеждъ на будущее и ненависти къ злоупотребленіямъ прошлаго. Они стремились все сокрушить и низвергнуть, вырывая съ корнемъ старое зло. По ихъ мнѣнію, стоило только выдержать одну разрушительную бурю — и побѣда одержана. Прежде всего надо было низвергнуть стѣны старой, феодальной государственной крѣпости, а затѣмъ уже думать о наиболѣе приличномъ способѣ постройки новаго зданія. Сообразно съ этими стремленіями, краснорѣчіе революціонной эпохи отличается бурнымъ, порывистымъ характеромъ. Почти всѣ ораторы и коноводы этого времени были люди отъ 25 до 30-ти лѣтъ. Таковы Барнавъ, Камилль Дюмуленъ, Дантонъ. Одному Робеспьеру было 31 годъ, и самъ Мирабо едва достигъ 40 лѣтъ. Наибольшій успѣхъ имѣли не тѣ ораторы, которые старались говорить ясно и убѣдительно, а тѣ, которые, обладая отвагой, увлекать слушателей особенно рѣзкими выходками.

Зала національнаго собранія вмѣщала въ себя около двухсотъ депутатовъ, которые раздѣлялись на враждебныя партіи и часто въ своихъ спорахъ переходили предѣлы парламентскаго приличія. Посреди такого шумнаго, безпокойнаго собранія уже не легко было говорить просто, внятно, а овладѣть вниманіемъ слушателей оказывалось тѣмъ труднѣе. «Мониторъ» въ своихъ свѣдѣніяхъ о засѣданіяхъ національнаго собранія представляетъ только блѣдную картину дѣйствительности. Онъ не передаетъ ни духа, ни характера этихъ засѣданій, не упоминаетъ ни о страстномъ шумѣ и горячихъ спорахъ, нерѣдко угрожавшихъ перевертываніемъ, ни о самовластномъ вмѣшателствѣ пренія галлерей. Въ немъ одна рѣчь слѣдуетъ за другою,

идетъ насъ въ невѣдѣніи о главномъ, именно объ ея дѣйствіи на слушателей. Въ этомъ отношеніи ораторъ подвергается одной участи съ актеромъ. Чѣмъ значительнѣе его личность, тѣмъ болѣе страдаетъ она въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній. Главныя средства оратора: звучный, гибкій голосъ, выразительныя наружность и жесты, огонь глазъ, — все это не имѣетъ ровно никакого значенія для потомства. Поэтому, читая рѣчи ораторовъ революціоннаго времени, необходимо дополнять ихъ воображеніемъ, но и тогда все-таки приходишь къ убѣжденію, что, несмотря на многочисленность громкихъ именъ, между ними было мало истинно даровитыхъ личностей. Одинъ Мирабо, какъ гигантъ, выситя надъ всѣми. Природа щедро надѣлила его всѣми качествами великаго оратора, и то, что онъ совершенно одиноко стоитъ на своей высотѣ, заставляетъ его казаться еще выше, представляя въ немъ полное олицетвореніе бурнаго краснорѣчія эпохи¹⁾.

Крѣпкаго сложенія, очень некрасивый, съ лицомъ, изрытымъ оспой, но съ большими, чрезвычайно быстрыми и умными глазами, одаренный голосомъ необыкновенно сильнымъ и способнымъ передавать малѣйшіе отбѣнки мысли, Мирабо, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, былъ самымъ горячимъ и вѣрнымъ защитникомъ новыхъ идей. Во всей его фигурѣ было что-то мощное, невольно подчинявшее ему все собраніе. Оно понимало, что этотъ человѣкъ ясно видѣлъ передъ собой путь, по которому хотѣлъ идти, тогда какъ всѣ остальные еще колебались и бродили во тьмѣ. Типина и уединеніе продолжительнаго заточенія сдѣлали изъ Мирабо глубокаго мыслителя. Закаленный въ борьбѣ съ страстями, обладая большою опытностью, онъ явился на собраніе вооруженный практической и государственной мудростью. Онъ совершенно естественно и по праву сталъ во главѣ дѣла. Несмотря на свой революціонный пылъ, онъ никогда ни о чемъ не отрекался отъ аристократизма. Его много упрекали въ томъ, что онъ заставлялъ за себя работать другихъ, и именно въ то время, когда въ національномъ собраніи разсматривались важнѣйшіе вопросы дня. Но, при изобиліи матеріала, требовавшаго разсужденій, въ этомъ не было ничего ни удивительнаго, ни предостерегающаго. Его секретари и друзья, каковы Шамфоръ, Вольфъ и другіе, исполняли за него предварительную часть труда и иногда снабжали его идеями, такъ что рѣчи, которыя онъ

¹⁾ Гейриэтта Герль съ восторгомъ упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ. „Слушай, — говоритъ она, забываешь все остальное. Его способъ выраженія, неслучайная страстность порывистость его рѣчи, всегда прекрасна и изящна“.

произносилъ, не всегда были исключительно его произведеніемъ. Поэтому онъ часто, когда начиналъ говорить, бывалъ холоденъ и вялъ, пока противорѣчіе со стороны слушателей не поднимало въ немъ бури и не заставляло его раздражаться въ гнѣвныхъ ходахъ. Тогда рѣчь его мгновенно измѣнялась, въ умѣ возникали собственныя мысли. Онъ облакалъ ихъ въ соответствующее положенію слова, и тутъ же разомъ находилъ разрѣшеніе самыхъ большихъ трудностей.

Вслѣдствіе этого, страстные рѣчи Мирабо всегда имѣли гораздо больше успѣха, чѣмъ спокойное изложеніе фактовъ и доводовъ, къ которому онъ иногда прибѣгалъ. Какъ часто одно его смѣлое слово разсѣивало недоумѣнія и рѣшало самыя упорныя пренія! Такъ, напримѣръ, онъ сумѣлъ придать особенный вѣсъ противодѣйствию, съ какимъ было встрѣчено предполагаемое раздѣленіе генеральныхъ штатовъ на три отдѣла. Ему же принадлежитъ смѣлое возраженіе на требованіе королевскаго оберъ-церемоніймейстера, чтобъ собраніе разошлось. «Депутаты, — воскликнулъ онъ, — собраны здѣсь властью народной, и разогнать ихъ могутъ развѣ только штыки!»

Неккеръ, въ виду поправленія финансовъ, представилъ на разсмотрѣніе національнаго собранія рядъ новыхъ податей и финансовыхъ оборотовъ. Большинство депутатовъ отнеслось къ нимъ недоброжелательно и многіе указывали на государственное банкротство, какъ на единственное средство спасенія. Мирабо энергической рѣчью старался поддержать министра, но не могъ убѣдить собранія. Сознавая свою неудачу, онъ внезапно прибѣгъ къ послѣднему, крайнему средству. Слова, которыя онъ произнесъ, имѣли цѣлью напугать своихъ противниковъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать ихъ потому податливѣе, принадлежать къ замѣчательнѣйшимъ образцамъ краснорѣчія.

«Въ теченіи двухсотъ лѣтъ, — воскликнулъ онъ, — рылась пасть, въ которую готово упасть государство. Эту страшную пасть необходимо засыпать. Вотъ списокъ лицъ, владѣющихъ во Франціи кое-какимъ имуществомъ. Выберите самыхъ богатыхъ изъ нихъ, чтобы число жертвъ было какъ можно ограничено, но тѣмъ не менѣе выберите ихъ! Пусть лучше погибнетъ небольшое число лицъ и спасется масса народа! Состоянія двухъ тысячъ франковъ дадутъ хватить на покрытіе дефицита; оно поправитъ финансы, возвратитъ странѣ миръ и благоденствіе. Кидайтесь же на нихъ, бейте ихъ безъ пощады, — эти несчастныя жертвы! Бросьте ихъ въ пропасть, и она закроется!

— Вы дрожите? какая непослѣдовательность, какое малодушіе!

Развѣ вы не видите, что рѣшаясь на банкротство, или, — что еще хуже, — безъ всякаго рѣшенія дѣлая его неизбежнымъ, вы себя пятнаете въ тысячу разъ большимъ преступленіемъ и къ тому же, — почти невѣроятно! — преступленіемъ вполне бесполезнымъ. Та страшная жертва, по крайней мѣрѣ, уничтожила бы дефицитъ. Неужели вы думаете освободиться отъ долга, прекративъ его уплату? Неужели вы полагаете, что тысячи, миллионы людей, которыхъ вы осуждаете мгновенно лишиться всего, что составляетъ ихъ радость въ жизни или ихъ единственное средство къ существованію, — что эти люди станутъ спокойно смотрѣть, какъ вы будете вкушать отъ плодовъ своего преступления?

«О вы, стоически взирающіе на зло, какое навлекла бы на Францію подобная катастрофа, — вы, бездушные эгоисты, воображающіе, будто нищета и отчаяніе столькихъ пройдутъ безслѣдно — и тѣмъ скорѣе, чѣмъ они будутъ ужаснѣе, — неужели вы думаете, что люди, лишеныя вами насущнаго хлѣба, дадутъ вамъ безнаказанно наслаждаться роскошнымъ пиромъ, за который вы ничѣмъ не заплатили? Нѣтъ! нѣтъ! вы погибнете! Вамъ не удастся, принесши въ жертву вашу честь, спасти изъ всеобщаго, зажженнаго вами пожара ни одной постыдной выгоды... Соглашайтесь скорѣй на эти чрезвычайныя налоги и будемъ надѣяться, что ихъ хватитъ! Соглашайтесь: если вы не вполне увѣрены въ средствахъ, за то не можете сомнѣваться въ необходимости прибѣгнуть къ нему и въ невозможности найти кругое болѣе вѣрное. Соглашайтесь: положеніе вещей таково, что не терпите отлагательствъ и мы будемъ призваны къ отвѣту за всякое промедленіе! Не требуйте отсрочки: бѣдствіе не ждетъ! Господа! недавно по нелѣпому требованію изъ Пале-Рояля, вслѣдствіе неосновательнаго опасенія смуть, которое существовало только въ воображеніи трусовъ и поддерживалось немногими злонамѣренными отверженцами, между нами раздался забавный возгласъ: «Катилина у воротъ Рима, а вы совѣщаетесь!» Но около насъ не было ни Катилины, ни опасности, ни смуть, ни Рима!... а теперь передъ нами банкротство со всѣми его ужасающими послѣдствіями: оно угрожаетъ вамъ всѣмъ потерей чести и имущества, — а вы совѣщаетесь!»¹⁾

Въ другой разъ былъ поднятъ вопросъ о провозглашеніи католицизма господствующею религіей въ государствѣ. Мирабо съ смѣлостью, ему одному свойственной, отстранилъ его съ разу. «Прошу васъ не забывать, — сказалъ онъ, — что съ этой самой трибуны видно окно, изъ котораго французскій король, подстре-

¹⁾ Засѣданіе 26 сентября 1789 года.

каемый достойными проклятія совѣтниками, стрѣлялъ по своимъ подданнымъ и подалъ этимъ знакъ къ Варооломеевской ночи. И не скажу болѣе ни слова: объ этомъ нечего совѣщаться»¹⁾.

Утверждаютъ, будто этотъ намѣкъ на Варооломеевскую ночь былъ ему внушенъ Вольнеемъ. Если это и правда, то никто, кромѣ Мирабо, не сумѣлъ бы произнести его такъ выразительно. Эти слова произвели на собраніе такое сильное впечатлѣніе, что вопросъ безъ дальнѣйшихъ споровъ былъ отложенъ въ сторону.

Такимъ образомъ Мирабо отодвинулъ всѣхъ другихъ ораторовъ на задній планъ. Въ первые годы революціи всѣ единодушно признавали его главою революціи. Полный мужества и гордаго сознанія собственныхъ силъ, онъ надѣялся, несмотря на всѣ препятствія, создать новую монархію, которая вполне соотвѣтствовала бы требованіямъ новаго времени.

Но слава его была кратковременна и популярность его исчезла въ потокъ республиканскихъ стремленій, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшихъ обществомъ. Самыя жаркія парламентскія пренія были вызваны вопросомъ о королевскомъ правѣ объявлять войну и заключать миръ. Мирабо говорилъ по этому поводу два раза, и чрезвычайно пространно. Въ первой своей рѣчи онъ ясно высказался въ пользу короля. Барнавъ, который до тѣхъ поръ всегда его поддерживалъ, теперь выступилъ противъ него, и вызвалъ этимъ шумное одобреніе большинства слушателей. Мирабо, послѣ долгихъ дебатовъ, удалось только отложить подачу голосовъ, а слѣдовательно и рѣшеніе вопроса до слѣдующаго дня. Онъ понималъ, что потерялъ свою власть надъ собраніемъ. На другой день ему нужно было пустить въ ходъ всѣ свои средства, чтобы возвратить потерянное вліяніе, которое, иначе, грозило совсѣмъ ускользнуть. На улицахъ уже продавался листокъ, въ которомъ жестоко нападали на измѣну графа Мирабо; но онъ еще не отчаялся. «Они сегодня должны или разорвать меня въ куски, или съ триумфомъ вынести отсюда на рукахъ», сказалъ онъ, взошедъ на трибуну. Всѣ въ залѣ не меньше его понимали важность предстоящей минуты.

— «Я не нуждался въ этомъ урокъ, — произнесъ онъ съ гнѣвомъ речью посреди мертваго молчанія собранія, — чтобъ зпать, какъ близко отъ Капитолія до Тарпейской скалы. Но человѣкъ, который борется за отечество и за торжество разума, не признаетъ себя такъ скоро побѣжденнымъ».

Онъ изложилъ въ своей рѣчи мнѣніе Барнава и попытался

¹⁾ Засѣданіе 13 апрѣля 1790 года.

сдвинуть національное собраніе къ тому, чтобы оно взглянуло на вопросъ съ предложенной имъ самимъ точки зрѣнія. Это ему действительно удалось, но только потому, что онъ успѣлъ незаметно дать своимъ мыслямъ новый оборотъ. Онъ объявилъ, что то предыдущія объясненія были невѣрно поняты, и излагая ихъ исторично, придавъ имъ оттѣнокъ мнѣнія, котораго держалось большинство. Въ заключеніе онъ выступилъ передъ собраніемъ съ предложеніемъ, почти совершенно противоположнымъ его прежнимъ требованіямъ. Побѣда, имъ одержанная, была такимъ образомъ только наружная и въ сущности сильно походила на скрытое наступленіе¹⁾. Съ этой поры онъ все болѣе и болѣе отодвигался на задній планъ. Его тайныя сношенія съ королемъ вскорѣ еще болѣе его связали. Съ тѣхъ поръ онъ могъ еще имѣть вліяніе, какъ государственный человѣкъ, но какъ ораторъ онъ почти совсѣмъ потерялъ свой прежній пылъ и энергію.

Барнавъ, талантливѣйшій ораторъ той же партіи послѣ Мирабо, котораго онъ взялъ себѣ въ образецъ, далеко не можетъ съ нимъ сравниться. Обладая большими способностями онъ, пожалуй, со временемъ и достигъ бы значительной высоты. Но появленіе его на трибунѣ было мимолетное и политическая дѣятельность слишкомъ кратковременна. Отъ него осталось всего двѣ рѣчи, по которымъ можно судить, что изъ него могло выдти при дальнѣйшемъ развитіи. Первое торжество доставила ему вышеупомянутая борьба съ Мирабо. Затѣмъ онъ одержалъ еще болѣе важную побѣду, защищая короля послѣ его несчастной попытки къ побѣгу. Онъ былъ однимъ изъ комиссаровъ, которые, по порученію національнаго собранія, сопровождали королевскую чету во время переѣзда ея изъ Варенна въ Парижъ. Рассказываютъ, что съ тѣхъ поръ въ сердцѣ молодого человѣка возникло не только состраданіе къ печальной судьбѣ королевы, но еще и болѣе нѣжное чувство къ ея особѣ. Национальное собраніе постановило три длинныя засѣданія на то, чтобъ рѣшить вопросъ: неприкосновенность, которую законъ обезпечиваетъ за королемъ, нужна или нѣтъ избавить Людовика отъ послѣдствій, какимъ онъ подвергнулся вслѣдствіе своей попытки къ побѣгу? Большая смелость, и въ томъ числѣ Петіонъ и Робеспьеръ, объявили, что отстаиваютъ ученіе о неприкосновенности короля жестокимъ и несправедливымъ и требовали замѣны его другимъ, основаннымъ на иныхъ началахъ, которыя имѣли бы въ виду пользу націи, а не одной только отдѣльной личности, — словомъ, они хотѣли при-

¹⁾ Засѣданія 20, 21 и 22-го мая 1790 г.

звать короля къ отвѣтственности передъ судомъ. Все это было предисловіемъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ Конвента, который назначеннаго короля не только судилъ, но и приговорилъ къ смерти. Барнавъ былъ послѣдній ораторъ, говорившій въ пользу Людовика. Онъ вѣроятно произнесъ свою рѣчь съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ, потому что въ печати она ничѣмъ не оправдываетъ того впечатлѣнія, какое Барнаву удалось произвести на слушателей. Собраніе закрыло засѣданіе постановленіемъ напечатать рѣчь и разослать ее по всѣмъ провинціямъ. Всѣ предложенія Барнава были приняты и немедленно приведены въ исполненіе. Короля Людовика еще разъ оставили въ покоѣ и вся отвѣтственность за его побѣгу пала на мецкаго губернатора, маркиза Буйлье.

Нѣсколько недѣль спустя, національное собраніе закрыло свои засѣданія. Барнавъ вернулся къ частной жизни и съ тѣхъ поръ дѣятельность его ограничилась публицистикой. Онъ напечаталъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ особенное вниманіе возбудило его «Предисловіе къ французской революціи». Хотя онъ очень скромно жилъ на своей родинѣ въ Греноблѣ, но онъ не былъ забытъ грознымъ правительствомъ. Его вмѣстѣ съ Александромъ Ламетомъ обвинили въ роялистскомъ заговорѣ. Онъ болѣе года пробылъ въ тюрьмѣ и наконецъ, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, погибъ на эшафотѣ (30-го ноября 1793).

Рѣшеніе въ пользу неприкосновенности короля было послѣднимъ усиленіемъ и успѣхомъ консервативной партіи. Вскорѣ послѣ того она совсѣмъ разсѣялась. Главные члены ея бѣжали за границу, предоставивъ короля его собственной участи.

Въ числѣ ихъ были два человѣка, которые могли бы быть опасными противниками даже для самого Мирабо. Казалось, оба старшіе кавалерійскій офицеръ, исполненный мужества и прямоты, еще въ началѣ революціи подстрекалъ своихъ собратьевъ аристократовъ къ противодѣйствію новымъ идеямъ и въ то же время къ сопротивленію королю, власть котораго онъ памфлетомъ спасалъ, даже противъ его собственной воли. Совѣты его были оставлены безъ вниманія. Тогда онъ поступилъ въ національное собраніе, но и тамъ продолжалъ постоянно защищать право церкви и трона.

Еще съ большимъ успѣхомъ возставалъ противъ революціи аббатъ Мори (Maury). Какъ Мирабо былъ главой либеральной партіи, такъ онъ былъ руководителемъ консерваторовъ. Сынъ сапожника, онъ сумѣлъ приобрести утонченныя манеры придворнаго круга и достигъ высокихъ церковныхъ почестей. Одно его аббатство

приносило ему ежегодный доходъ въ двадцать тысячъ ливровъ. Въ качествѣ депутата отъ духовнаго сословія, онъ не замедлил обратить на себя вниманіе національнаго собранія своими обширными свѣдѣніями, діалектическими способностями, краснорѣчіемъ и рѣзкими возраженіями, которыя многихъ заставляли его бояться. Привычка говорить съ церковной кафедры придавала ему нѣкоторую торжественность и сдержанность въ способѣ выраженія, но это мѣшало ему по временамъ дѣлаться колкимъ, и даже оскорбительнымъ. Онъ никогда не уставалъ говорить. Его громкоголосого голоса не заглушала никакой шумъ, и онъ всегда покрывалъ крики противниковъ, и въ залѣ, и на галлереяхъ. Къ тому же, послѣдствія не рѣдко оправдывали его слова. Онъ между прочимъ возставалъ противъ проекта о несмѣняемости судей и противъ системы ассигнацій, которую Мирабо усердно поддерживалъ. Въ пылу доказательствъ Мори бросилъ въ собраніе нѣсколько банкнотныхъ билетовъ временъ Лау, которые два поколѣнія тому назадъ сдѣлали во Франціи столько несчастныхъ. «Вотъ эти проклятыя бумаги,—воскликнулъ онъ,—на которыхъ еще не высохли слезы и крови нашихъ дѣдовъ!» Во многихъ важныхъ вопросахъ онъ старался противодѣйствовать стремленіямъ новаго времени и, къ сожалѣнію, рѣдко бывалъ такъ правъ, какъ въ предъупреждающемъ случаѣ.

«Онъ каждый день терпѣлъ пораженія,—говорить о немъ Монтаньель,—и каждый день снова выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ, повидимому, нисколько не сознавая ни своего пораженія, ни опасностей, какимъ ежеминутно подвергался. Крики и насмѣшки обезумѣвшей отъ ярости черни никогда его не смущали. Онъ улыбался на угрозы со стороны народа; на оскорбленія, наносившіяся на него съ галлерей, отвѣчалъ шутками или смѣлыми выходками и невозмутимо продолжалъ борьбу».

Но аббатъ Мори вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всегда остаются вѣрны своимъ убѣжденіямъ и ради осуществленія любимой идеи готовы на всѣ жертвы. Въ характерѣ и образѣ мыслей не было ничего возвышеннаго. Онъ любилъ хорошо пожить и отстаивалъ права своего сословія изъ честолюбивыхъ цѣлей и личныхъ расчетовъ. «Я или погибну, или доведу себя кардинальскую шапку», сказалъ онъ, когда его въ 1789-го г., во время его первой попытки къ побѣгу, заперли на границѣ и вернули въ національное собраніе. Его попытки сбылись. По обнародованіи французской конституціи, онъ вторично бѣжалъ, достигъ Рима и впослѣдствіи былъ однимъ

изъ тѣхъ кардиналовъ, которые оказали наиболѣе услугъ императору Наполеону.

Съ открытіемъ законодательнаго собранія въ великой драмѣ революціи начался новый актъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и краснорѣчіе получило другое направленіе. На трибуну выступили совсѣмъ иные люди. Мирабо, Мори, Барнавъ, Казалесъ исчезли. На первый планъ выдвинулись талантливые представители Жиронды: Верньо, Гаде, Жансовне. Съ другой стороны пачать входить въ силу сторонники «горы», которые все съ большимъ и большимъ вниманіемъ прислушивались къ рѣчамъ Дантона и Робеспьера.

Время было смутное, странъ угрожали вѣншіе враги, внутри ея новый порядокъ вещей имѣлъ много противниковъ. Король и его приближенные считались подозрительными, и различныя партіи съ каждымъ днемъ недоувѣрчивѣе относились одна къ другой. Неудивительно, если всеобщее настроеніе умовъ стало повилось все возбужденнѣе, а требованія общества энергичнѣе и грознѣе. Время благороднаго энтузіазма давно миновало, волны революціи вздымались все выше и выше. Законодатели прибѣгали къ неимовѣрнымъ усиліямъ, чтобъ держаться на поверхности бурнаго потока.

Въ законодательномъ собраніи говорилось больше, чѣмъ въ конституціонномъ. Произносимыя тамъ рѣчи отличались, можетъ быть, большей округленностью и вѣншною отдѣлкой, но часто заключали въ себѣ почти ничево, кромѣ фразъ, цѣль которыхъ была ласкать слухъ. Иначе развѣ могъ бы Верньо, говоря въ приготовлявшемся празднествѣ въ ознаменованіе новаго братскаго союза, которому правительство угрожало помѣшать, — могъ ли онъ декламировать о «черствости сердца, съ какой отталкивались объятія?» Если Мирабо игралъ первую роль въ конституціонномъ собраніи, то Верньо, безспорно, превзошелъ всѣхъ ораторовъ конституціоннаго собранія. Но Мирабо превосходилъ своего противника какъ широтой государственныхъ взглядовъ и рѣшимостью, такъ и краснорѣчіемъ. Онъ умѣлъ говорить просто, ясно и убедительно, не говоря уже о способности увлекать и воодушевлять какую обладалъ въ высшей степени. Но онъ не былъ ригорозенъ: онъ не говорилъ только для того, чтобъ говорить, не стараясь округлять своихъ періодовъ, а шелъ прямо къ цѣли, которую всегда ясно имѣлъ передъ глазами. Верньо былъ менѣе государственнымъ человѣкомъ; произнося рѣчь, онъ полагалъ, что исполнилъ всѣ свои обязанности. Ему и въ голову не приходило бороться съ противниками.

Умелый, талантливый, краснорѣчивый, онъ съ одинаковымъ искусствомъ произносилъ всякаго рода рѣчи. То спокойный и тихій, то убѣдительный и порывистый, онъ производилъ сильное впечатленіе на слушателей. Но въ рѣчахъ его всегда чувствовалось присутствіе искусства; видно было, что онъ старался избегать періоды и сообщать цвѣтистость языку. Онъ любилъ играть контрастами, перемѣшивая ихъ съ мнѣологическими отоминаніями и ссылками на древнюю исторію. Такого рода краснорѣчіе часто ставитъ оратора въ необходимость жертвовать главнымъ предметомъ своей рѣчи второстепеннымъ требованіямъ, и ради звучной фразы упускать случай убѣдительно подействовать на слушателей.

Въ замѣчательнѣйшимъ рѣчамъ Верньо принадлежитъ между прочимъ та, въ которой онъ, 25-го октября 1792-го г., жестоко порицалъ эмигрантовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ также его мастерское изображеніе общаго положенія вещей во Франціи, въ его рѣчи, которую онъ произнесъ 3-го іюля того же года и въ которой самымъ образнымъ направленной противъ короля. Доказавъ, что эмигранты и иностранныя державы угрожали Франціи войной и что онъ виноватъ съ цѣлью возратить королю его могущество и блескъ, онъ обращается къ Лудовику съ слѣдующимъ энергическимъ званіемъ:

«О король, ты, который, подобно Анзандру, не сомнѣваешься въ томъ, что истина ниже лжи, что людей слѣдуетъ забавлять игрушками, какъ дѣтей игрушками, — ты, который притворялся въ законѣ только для того, чтобъ удобнѣе обходить ихъ;... не смеешь ли ты и нынѣ обмануть насъ лживыми обѣщаніями? Ты дѣйствительно защищалъ насъ, когда выставилъ передъ нами столько ничтожныхъ силъ, что онѣ неизбѣжно должны были погибнуть? Развѣ ты защищалъ насъ и тогда, какъ отказывался послѣдовать совѣтамъ, которые могли содѣйствовать къ развѣнчанію внутреннихъ силъ страны?... Для чего конституція поставила тебя во главѣ арміи? — Чобъ навлекать на насъ славу, или чобъ? Для чего дала она тебѣ столько различныхъ правъ? — Для того ли чобъ ты, опираясь на нее, погубилъ и ее и государство? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Человѣкъ, не появившійся въ Франціи, увлекаемый страстью къ деспотизму, — не исполнилъ цѣли конституціи! Она, можетъ быть, падеть, но ты не удастся пожать плодовъ клятвеннопреступленія... Ты видишь въ глазахъ оскорбленной тобой конституціи, — ничто и въ глазахъ народа, которому столь низко измѣнилъ!»

Даже и «горѣ» нечего было болѣе прибавлять къ такого

рода выходкамъ. Она предоставляла жирондистамъ говорить, сама приготовлялась дѣйствовать. Монархія такимъ образомъ окончательно пала. Жирондисты, достигнувъ своей цѣли, неслучайно радовались. Они полагали, что съ провозглашеніемъ республици имъ удалось осуществить свой идеаль. Но вслѣдъ за побѣдой тотчасъ обнаружилась ихъ слабость. Нерѣшительные риторы они ничего не могли сдѣлать безъ поддержки сторонниковъ «горы», которые внезапно изъ ихъ союзниковъ превратились въ враговъ. Борьба оказалась неровной и исходъ ея не подлежалъ сомнѣнію. Жирондисты пали, и Верньо вмѣстѣ съ своими приверженцами погибъ на эшафотѣ.

Съ водвореніемъ царства ужаса исчезли и краснорѣчіе. Всякая оппозиція волѣ властителей строго преслѣдовалась и жестоко каралась. Ни Дантонъ, ни Робеспьеръ не отличались особеннымъ умѣньемъ говорить. Первый, впрочемъ, обладалъ нѣкоторыми качествами оратора, громкимъ голосомъ, энергіею выраженія и осанки, но ему не доставало образованія, логики и диалектики. Онъ былъ народный трибунъ, который однимъ мѣткимъ словомъ увлекаетъ массы, но не парламентскій ораторъ, имѣющій въ виду доказывать и убѣждать. Робеспьеръ съ своей невзрачной наружностью и слабымъ голосомъ еще менѣе былъ созданъ для трибуны. Онъ выражался ясно и обдуманно, но особенно въ первое время своей политической дѣятельности всегда оставался холоденъ и вялъ. Впослѣдствіи его рѣчи слушались съ напряженнымъ вниманіемъ, не столько изъ уваженія къ его таланту, сколько изъ страха къ системѣ, какою онъ руководствовался.

Еще немного, и во Франціи исчезло даже самое назидательное парламентскаго краснорѣчія. Въ теченіи послѣдующихъ десяти лѣтъ она слышала только военный громъ. Чтобъ свободное слово опять въ ней могло раздаваться, надо было совершиться новому перевороту, который снова измѣнилъ весь существовавшій порядокъ вещей.

V.

Говоря о французской литературѣ временъ революціи, нельзя умолчать о вліяніи на умы періодической печати. Она, какъ отражавшееся въ ней общество, представляла странную смесь высокихъ умственныхъ стремленій и крайней пошлости, родившихся порывовъ человѣческой души и самыхъ низкихъ страстей. Сегодня она проповѣдывала безкорыстіе и самоотверженіе, завтра защищала преступленія и разжигала ненависть.

Газеты пачали существовать очень недавно. Прошло много времени съ изобрѣтенія книгопечатанія, прежде чѣмъ люди почувствовали потребность правильнымъ образомъ и постоянно сообщать за ходомъ политическихъ событій. Въ средніе вѣка общество не нуждалось въ газетахъ, тогда какъ теперь можно сказать, что онѣ сдѣлались для образованныхъ націй такой же необходимостью, какъ для римлянъ зрѣлища цирка. Европейскіе и американскіе народы имѣютъ пунѣ общіе интересы, относительно цивилизаціи и прогресса; благосостояніе одной націи болѣе или менѣе тѣсно связано съ благосостояніемъ всѣхъ другихъ государствъ. Гатэнъ въ своей превосходной исторіи печати¹⁾ обращаетъ вниманіе читателя на замкнутую жизнь, какую въ былое время вели не только отдѣльные народы, но и каждая провинція почти каждый городъ. Люди рѣдко переступали за границу родины. Государства, правда, и тогда были перерѣзаны нѣкоторыми торговыми путями, на которыхъ предприимчивые торговцы подвергали опасности свою жизнь и имущество, но это не вышло въ видѣ исключенія. Исторія тогдашнихъ международныхъ торговыхъ сношеній ясно показываетъ, какъ тогда каждый народъ жилъ своей особенной, исключительной жизнью.

Реформація впервые возбудила въ Европѣ интересы, общіе различнымъ народамъ. Повсемѣстно вспыхнувшая борьба протестантизма съ папствомъ вызвала живѣйшее участіе одной стороны другой. Хотя и тогда они могли обмѣниваться важными извѣстіями только посредствомъ летучихъ листовъ или частной переписки, это уже было шагомъ впередъ. Чувство общности между народами съ тѣхъ поръ постоянно росло, пока, наконецъ, мыслителямъ того столѣтія удалось окончательно разъяснить его и сдѣлать всеобщимъ новый взглядъ, какому до тѣхъ поръ держались только высшіе умы, на національности, вражду и зависть одной націи къ могуществу другой. Только съ этой минуты, когда явилась настоящая задача періодической печати, она и могла возникнуть.

Первое появленіе газеты во Франціи относится къ срединѣ семнадцатаго столѣтія. Въ правленіе Людовика XIII и его вселеннаго министра Ришелье привлекали вниманіе сначала внутренняя борьба партій, а потомъ внѣшняя политика. Каждому было известно о ходѣ событій, и облетавшіе всю Францію слухи, анекдоты и эпиграммы уже мало удовлетворяли общество, оно хотѣло болѣе точныхъ и серьезныхъ свѣдѣній. Въ Парижѣ

¹⁾ Eugène Hatin, Histoire de la presse en France. 6 vol. Paris 1859.

существовали опредѣленные мѣста, гдѣ желавшіе могли выслушать и сами сообщать другимъ разнаго рода извѣстія и новости, но такой способъ обмѣна мыслей былъ слишкомъ ограниченъ. Наконецъ, въ 1631 году, одному предприимчивому человеку пришло на мысль удовлетворить всеобщее любопытство изданіемъ печатнаго періодическаго листка, который предлагалъ бы публиковать желаемыя свѣдѣнія. Это былъ Теофрастъ Ренодо. Онъ родился въ Луденѣ въ 1584 г. Въ Парижѣ онъ первоначально явился въ качествѣ медика, но не нашедши почти никакой практической работы, открылъ школу, а потомъ завелъ адресную контору и агентство для всевозможныхъ справокъ. Это послѣднее предпріятіе ему удалось. Вскорѣ Ренодо сдѣлался центромъ огромнаго дѣлового кружка съ множествомъ развѣтвленій и корреспондентовъ. Послѣдніе общались въ своихъ письмахъ между прочимъ и политическія извѣстія, вслѣдствіе чего контора Ренодо не замедлила превратиться въ мѣсто сборища праздныхъ людей всѣхъ сословій. Чтобы угодить имъ, Ренодо выбиралъ изъ получаемыхъ писемъ самыя интересныя мѣста, приказывалъ ихъ переписывать на отдѣльных листкахъ, а затѣмъ раздавалъ ихъ своимъ посѣтителямъ. Отъ переписыванія до печати оставался одинъ шагъ, и 30 мая 1631 г. дѣйствительно появился первый номеръ газеты, вскорѣ получившей названіе «Французской газеты» (Gazette de France), которая, пройдя черезъ многіе фазисы и превратности, дошла до нашего времени и можетъ по справедливости назваться прародительницей всѣхъ періодическихъ изданій. Листокъ выходилъ развѣ въ недѣлю и сначала состоялъ изъ одной, а потомъ изъ восьми страницъ. Предпріятіе это для того времени заслуживало не малой похвалы и было соединено со многими затрудненіями; ему приходилось бороться съ большимъ числомъ враговъ и завистниковъ. Первый номеръ заключалъ въ себѣ извѣстія изъ Константинополя, Рима, Венеціи и другихъ большихъ городовъ, а также изъ Майнца и Франкфурга-на-Майнѣ отъ 14-го мая; — послѣдніе, впрочемъ, представляли мало интереснаго. Въ началѣ Ренодо осмѣливался печатать внутреннихъ извѣстій, какія сообщались ему изъ разныхъ концовъ Франціи. Для читателей они были особенно интересны, но для него самого опасны. Когда же онъ нѣсколько позднѣе рѣшился печатать корреспонденціи изъ восточныхъ французскихъ городовъ, то долгое время ограничивался одними описаніями празднествъ, минеральныхъ источниковъ и происшедшихъ дракъ. Но несмотря на столь невинное содержаніе своей газеты, Ренодо уже несъ на себѣ всѣ тягости цензуры листа. Онъ не разъ жаловался на невозможность угодить

читателямъ. «Солдаты, говорилъ онъ, ропщутъ, что я имъ слишкомъ мало рассказываю о сраженіяхъ и военныхъ походахъ; придворные пахотятъ недостаточными сообщаемыя мною свѣдѣнія о придворной жизни». Съ другой стороны, тѣ же придворные верѣдко преслѣдовали его и за то, что онъ, толкуя о нихъ въ газетахъ, какъ-бы унижалъ ихъ достоинство, а армія упрекала его, что онъ обходилъ молчаніемъ ея подвиги и тѣмъ самымъ лишалъ ее вполне заслуженной славы.

Риншелье вскорѣ понялъ, какую пользу онъ можетъ извлечь изъ предпріятія Ренодо, если дастъ ему привилегію на изданіе во Франціи политической газеты, сохранивъ за собой въ тайнѣ ея главное управленіе. И дѣйствительно, онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: «Газета» съ жадностью читалась не только во Франціи, но и при иностранныхъ дворахъ. Это обстоятельство кардиналъ часто употреблялъ па то, чтобъ дѣлать всѣмъ извѣстнымъ многое такое, чего не хотѣлъ помѣщать въ свои депеши. Должно полагать, что многія статьи по вопросамъ высшей политики присылались въ газету имъ самимъ.

Король Людовикъ XIII тоже иногда удостоивалъ дѣлаться со-трудникомъ Ренодо. Онъ, какъ извѣстно, не только во всемъ слушался кардинала, но также часто ссорился съ своей супругой. Всякій разъ, когда ему случалось быть недовольнымъ королевой и уступать ей, — а дѣло всегда оканчивалось этимъ, — онъ обращаясь для мщенія къ газетѣ. Рассказываютъ, будто въ такихъ случаяхъ онъ, переодѣтый, отправлялся къ Ренодо, и лично вручалъ ему свои статьи. Королевскіе труды большею частью заключались въ коротенькихъ извѣстіяхъ, имѣвшихъ въ виду сервить королеву. Въ нихъ передавались слухи о предстоящемъ разводѣ королевской четы или о другихъ тому подоб-ныхъ крутыхъ мѣрахъ, по всегда чрезвычайно осторожно. Людовикъ XIII истинно наслаждался, когда его хитрость достигала цели. При этомъ онъ никогда не допускалъ призывать къ отвѣтственности издателя газеты и королева припуждена была отомстить свою месть до перехода въ вѣчность своего супруга. Когда отъ Ренодо былъ немедленно потребованъ отчетъ. Но предусмотрительному издателю удалось оправдаться: онъ тщатель-но сберегалъ рукописи своего высокаго покровителя и теперь возвращалъ непечатанными статьи столь высокопоставлен-ному сотруднику.

Газета такимъ образомъ была спасена, и хотя впоследствии привилегія на исключительное право изданія и потеряла свое

значение, однако листокъ отъ этого нисколько не пострадалъ, благодаря своему официальному характеру. Этотъ характеръ сохранилъ онъ до VIII гола республики, т.-е. до 1800 года, когда правительство избрало своимъ органомъ «Всеобщій Мониторъ» (Moniteur universel)¹⁾. «Французская Газета» за это время вообще представляетъ мало историческаго матеріала, потому что она говорила на своихъ столбцахъ только о тѣхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ, которыя считала одобрительными. Такъ, напримѣръ, она въ июль 1789 года ни однимъ словомъ не упоминаетъ о взятіи Бастильи.

Гораздо болѣе интереса въ этомъ отношеніи представляется газета «Меркурій» (Mercure), основанная въ 1672 году и въ 1724 превратившаяся въ «Французскаго Меркурія» (Mercure de France). Въ годы, предшествовавшіе революціи, это была самая любимая и наиболѣе распространенная во Франціи газета. «Меркурій» долгое время имѣлъ до пятнадцати тысячъ подписчиковъ, несмотря на то, что его подписная цѣна доходила до 30 ливровъ въ годъ. Онъ не ограничивался одними сухими политическими извѣстіями, но заключалъ въ себѣ также литературныя отдѣлы, гдѣ были сотрудниками замѣчательные писатели въ родѣ Лагарпа, Мармонтеля и многіе другіе. Но правительство и на «Меркурія» смотрѣло, какъ на свою собственность. Изъ доходовъ его оно присвоило себѣ сумму въ тридцать тысячъ ливровъ, которую распределяло въ видѣ пенсій различнымъ писателямъ. Этимъ удобнымъ и недорогимъ для себя способомъ оно думало приобрести себѣ приверженцевъ и защитниковъ, но на дѣлѣ создало только рядъ льстецовъ и паразитовъ, которые, когда настала минута опасности, всѣ тотчасъ умолкли и разсѣялись.

Чѣмъ «Меркурій» былъ въ политическомъ и литературномъ отношеніи, тѣмъ «Журналъ для ученыхъ» (Journal des Savants) стремился сдѣлаться въ кругу ученой дѣятельности. Но, несмотря на свои значительныя силы и на свое вліяніе, онъ также не могъ завоевать себѣ полной независимости. Правительство въ выпускѣ монополіи изъ своихъ рукъ и цензура была строга

¹⁾ «Мониторъ» вышелъ въ первый разъ 20-го ноября 1789 въ форматъ in-folio. Съ 3-го февраля 1790 г. къ нему были присоединены «Бюллетени» національнаго собранія, и съ тѣхъ поръ въ немъ постоянно появлялись самые подробныя и обширныя отчеты о засѣданіяхъ. Это было тѣмъ труднѣе, что журналисты не имѣли особенныхъ мѣстъ въ залѣ собранія и часто вѣдѣвъ съ остальной публикой во время засѣданій стояли у дверей, ожидая минуты завоевать себѣ входъ. Въ IV году «Мониторъ» напечаталъ еще 71 добавочный номеръ, чтобы пополнить весь рядъ засѣданій національнаго собранія, начиная съ открытія его и до 3-го февраля.

Кто до революціи хотѣлъ разработывать текущіе вопросы и говорить съ обществомъ, тому надо было прибѣгать къ брошюрамъ, изданіе которыхъ было менѣе затруднительно. Такого рода небольшие сочиненія печатались тогда тысячами; они касались всевозможныхъ вопросовъ и читались съ жадностью. Съ открытіемъ національнаго собранія положеніе вещей нѣсколько измѣнилось. При необычайно быстромъ ходѣ событій, брошюры не могли болѣе удовлетворять требованіямъ публики. Каждый день имѣлъ теперь свою задачу, свое назначеніе, свой вопросъ, ожидавшій немедленнаго разрѣшенія. Съ каждымъ днемъ возникали новыя требованія, пробуждались новыя страсти. Въ то время люди жили и дѣйствовали скоро. Чтобъ найтись посреди всего этого хаоса, произведеннаго наплывомъ новыхъ идей, постановленій и законовъ, которые въ нѣсколько недѣль измѣнили весь государственныя и общественныя порядки Франціи, ей необходимо было постоянно слѣдить за ходомъ событій. Провинціи желали какъ можно скорѣе узнавать то, что совершалось въ столицѣ, и такимъ образомъ возникла ежедневная политическая печать.

Только тотъ можетъ составить себѣ вѣрное понятіе о первыхъ годахъ революціи, кто по газетамъ того времени прослѣдитъ всѣ быстрые переходы общества отъ одного настроенія къ другому. Вначалѣ всѣ были воодушевлены любовью къ человѣчеству и надеждой на лучшія времена. Идеаль, который люди съ долго носили въ сердцѣ, сомнѣваясь въ возможности его осуществленія, казалось, готовъ былъ воплотиться въ дѣйствительную жизнь. Человѣчеству предстояло сдѣлать большой шагъ впередъ на пути умственнаго и нравственнаго развитія. Каждый хотѣлъ ближе видѣть столь необычайное явленіе, каждый стремился дѣлиться своими мыслями съ другими. Поэтому заря революціи, длившаяся весьма недолго, ознаменовалась возникновеніемъ множества всякаго рода газетъ. Цензура болѣе не осмѣлилась противиться этому движенію и, наконецъ, послѣ взятія Бастильи должна была совсѣмъ прекратить свои дѣйствія. До этого дошло около тысячи названій періодическихъ изданій, которыя появились во Франціи въ короткій промежутокъ времени между 1-го мая 1789 г. до мая 1793 г. Списокъ этотъ еще далеко не полонъ. Въ 1790 г., когда печать освободилась отъ всякихъ наложеній и стѣсненій, въ одномъ Парижѣ насчитывали до 64 газетъ. Самыя большія изъ нихъ, впрочемъ, не достигали размѣ-

въ Лондонѣ, или надѣвать маску, какъ Мирабо, который подъ фирмой «Газетъ» англійскихъ газетъ» излагалъ свои собственныя революціонныя идеи.

ровъ нынѣшнихъ французскихъ газетъ. За исключеніемъ «Монитера», почти всѣ выходили въ четвертую или восьмую долю листа.

Въ концертѣ, который составился изъ такого количества разнообразныхъ голосовъ, конечно, трудно было найти гармонію. Печать тоже только мало-по-малу привыкаетъ къ свободѣ и участвуетъ съ пользой располагать своими силами. Время предшествовавшее революціи было для нея плохой подготовкой, и потому большинство этихъ листковъ наполнялось жалкими произведениями писакъ, которыхъ впоследствии даже Маратъ могъ упрекать въ невѣжество. «Эти господа сдѣлали бы гораздо лучше, говоритъ онъ въ своемъ «Другъ Народа», еслибъ, вмѣсто того, чтобъ писать, принудили національное собраніе позаботиться по крайней мѣрѣ о пасущемъ пропитаніи тѣхъ, кого оно разорило для пополненія государственной казны».

Съ неменьшей горечью отзывается о ихъ нравственной испорченности и одинъ изъ самыхъ выдающихся писателей той эпохи, Малле-дю-Панъ. «Писатели, жалуется онъ, не составляютъ болѣе почетнаго сословія, но представляютъ изъ себя безпорядочную, голодную толпу. Только немногіе изъ нихъ пользуются уваженіемъ; большинство же гибнетъ въ нищетѣ». Въ своемъ «Дневникѣ» (1785—1789 г.) онъ называетъ академи и лицей вредными учрежденіями, потому что они разжигаютъ страсть къ сочинительству и размножаютъ писателей. «Парижъ кишитъ молодыми людьми, которые извѣстнаго рода легкость писать принимаютъ за талантъ; писатели, почти умирающіе съ голоду, не стыдятся просить милостыню—и выпускаютъ въ свѣтъ брошюры».

До начала революціоннаго движенія, свобода печати была вовсе незнакома газетамъ. Бриссо рассказываетъ, что онъ, участвуя въ 1783 году положеніе англійскихъ колоній въ Индіи, хотѣлъ напечатать о нихъ статью въ своей газетѣ. Но, вмѣсто сдѣйствія, онъ встрѣтилъ со стороны правительства безчисленное множество затрудненій. Корректурные листы должны были всякій разъ проходить чрезъ четыре департамента цензуры, и, въ заключеніе, оказывалось, что почти ничего изъ нихъ не оставалось для печати.

Мирабо и на этомъ пути первый показалъ примѣръ. Онъ, въ качествѣ депутата, основалъ газету, которую назвалъ «Генеральныя Штаты». Но цензура въ ту минуту была еще слишкомъ сильна, и онъ принужденъ былъ избрать для распространенія своихъ взглядовъ болѣе скромную форму — «Письма къ своимъ

избирателямъ» (Lettres à mes commettants). Но съ паденіемъ Бастильи и съ торжествомъ революціи онъ не замедлил основать новую газету: «Провансальскій Вѣстникъ» (Courrier de Provence), которой уже нечего было опасаться со стороны министровъ. Цѣль Мирабо и печатать его рѣши. Но, несмотря на значительное число подписчиковъ въ провинціи, онъ остался почти безъ всякаго вліянія на умы. Мирабо былъ ораторъ, а вовсе не публицистъ.

Одновременно съ нимъ Бриссо основалъ своего «Французскаго Патриота» (Patriote français), въ которомъ открыто требовалъ республики на федеративныхъ началахъ, полагая, что въ независимости общинъ лежитъ основаніе великаго зданія національной свободы.

За ними послѣдовало множество другихъ листковъ. Въ первые три года революціоннаго движенія печать находилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ двухъ партій, изъ которыхъ одна стояла за власть, другая за свободу, и обѣ вели между собой жесточенную борьбу. Попытка создать третью партію, которая бы примиряла эти два крайнія начала, не имѣла успѣха. Сильныя арміи роялистовъ и республиканцевъ преслѣдовали одна другую въ частной жизни и въ публичной, съ церковной кафедрой и съ трибуны, въ театрѣ и даже на улицахъ. Никогда борьба не велась съ болѣе жестокимъ ожесточеніемъ, и печать совершенно была вовлечена въ общій потокъ. Ею пользовались, чтобъ все сильнѣе и сильнѣе раздувать пламя ненависти между партіями. Чего не могло сдѣлать живое слово въ политическихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ народныхъ представителей, то довершила печать, которая проникла повсюду, во всѣ города, общины и самыя уединенныя жилища.

Нападающіе всегда въ выгудѣ; революціонная печать въ этомъ качествѣ пользовалась гораздо болѣе вліяніемъ, чѣмъ роялистская, которая иной разъ находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. Къ тому же, число читателей у послѣдней было несравненно меньше. Всѣ строго-консервативные листки, взятые вмѣстѣ, имѣли не болѣе двадцати тысячъ подписчиковъ, тогда какъ одна только газета прогивной партіи, «Парижская революція» (La révolution de Paris), ежедневно расходилась въ десять разъ болѣе широкимъ количествомъ экземпляровъ. Газета эта выходила ежеднѣвно и имѣла около пятидесяти печатныхъ страницъ. Она разсуждала о событіяхъ дня не только съ большимъ знаніемъ дѣла, но даже съ нѣкоторымъ безпристрастіемъ. Главнымъ редакторомъ ея былъ молодой человекъ, уроженецъ южной Франціи, Элизе Лу-

стало, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ революціи и преданныхъ сыновъ Жироуды. Многіе могли превосходить его силой таланта, блескомъ краснорѣчія и искусствомъ, но никто не могъ быть честиѣ его и тверже въ своихъ патриотическихъ стремленіяхъ. Въ эпоху самаго крайняго возбужденія страстей, ему удалось сохранить ясность взгляда и сужденій не только о настоящемъ, но и о будущемъ. Уже въ августѣ 1789 года онъ предостерегалъ общество отъ слишкомъ большой довѣрчивости и непослѣдственности «Мы быстро перенли отъ рабства къ свободѣ, писалъ онъ, но еще быстрѣе стремимся отъ свободы обратно къ рабству. Похвалы, какими осыпають народъ за его подвиги, только усыпляютъ его; къ тому-же его слишкомъ много забавляютъ праздниками, процессіями и мундирами». Въ учрежденіи національной гвардіи онъ видѣлъ новую опасность и предсказывалъ скорое водвореніе еще худшаго деспотизма, хотя, можетъ быть, въ другомъ видѣ, чѣмъ тотъ, отъ котораго только-что избавились. Дѣйствія національнаго собранія его вообще мало удовлетворяли; несмотря на его самопожертвованіе, онъ находилъ его еще слишкомъ феодальнымъ, слишкомъ мало народнымъ.

Къ сожалѣнію, Лустало погибъ слишкомъ рано. Онъ умеръ въ сентябрѣ 1790 года, на двадцать восьмомъ году жизни, отъ горя при извѣстіи о страшныхъ, кровавыхъ событіяхъ въ Нанси, которыя раскрыли передъ нимъ всю глубину пропасти, куда было готово упасть общество.

Гораздо болѣе революціонный оттѣнокъ носилъ еженедѣльный журналъ, который съ 1789 года издавалъ Камилль Демулель, подъ заглавіемъ: «Французскія и брабантскія революціи». Упомянемъ также о «Французскомъ Вѣстникѣ» (Courrier français), изъ котораго заимствовала свои политическіе взгляды Шарлотта Кордэ:—о «Другѣ народа» (L'Ami du peuple), Марата, который своей необузданностью и страстностью превосходилъ всѣ остальные изданія подобнаго рода, — и о грязномъ листкѣ Фрерона, извѣстномъ подъ именемъ «Народный ораторъ». Эти періодическія изданія представляютъ собой рядъ наиболѣе распространенныхъ произведеній революціонной печати.

Съ такими врагами не легко было бороться. Роялистской печати слѣдовало бы держать себя съ достоинствомъ и позаботиться о томъ, чтобъ расширить кругъ своихъ читателей посредствомъ умныхъ увѣщаній и благоразумныхъ уступокъ правильнымъ требованіямъ времени. Чѣмъ меньше ея представители были способны бороться на улицахъ силами съ приверженцами Марата, тѣмъ болѣе имъ было имъ постараться пріобрѣсти вліянія посреди спо-

койной и болѣе мирно-настроенной части народа. Но роялистскія газеты ничѣмъ не оказались лучше террористскихъ. «Другу народа» былъ противопоставленъ подъ редакціей аббата Ройу (Roussin) «Другъ короля» (L'Ami du Roi). Рядомъ съ нимъ сражались: «Журналъ для двора и города» (le Journal de la cour et de la ville), «Копѣечный журналъ» (le Journal à deux liards), «Королевскій журналъ» и такъ-называемыя «Дѣянія Апостоловъ» (Les Actes des Apôtres). Послѣднія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ числѣ замѣчательныхъ сотрудниковъ этой газеты былъ остроумный, но легкомысленный Ривароль, который легкую шутку и насмѣлку называлъ «аристократизмомъ ума». Его меткія эпиграммы и жестокія выходки противъ героевъ дня всегда глубоко увлѣляли его противниковъ. Кромѣ него въ редакціи «Дѣяній Апостоловъ» участвовали Мунье, Лялли-Толлендаль, аббатъ Морн и Мирабюаншій, прозванный «бочкой». Но настоящимъ основателемъ и издателемъ газеты былъ нѣкто Пеллетье, человекъ весьма дурной репутаціи, носившій между прочимъ званіе посла, при англійскомъ дворѣ, его вѣщества короля острова Гаити Бристофа. Шатобрианъ увѣряетъ, будто онъ все свое состояніе превратилъ въ сахарныя шмывы и пропилъ на шампанскомъ. О передовой личности этой маленькой роялистской арміи, объ остроумномъ, блестящемъ и легкомысленномъ Сюло, мы будемъ имѣть случай говорить послѣ.

Рассказываютъ, что всѣ эти люди собирались въ одномъ ресторанѣ Пале-Рояля и тамъ писали «Дѣянія Апостоловъ». Уже самое названіе было насмѣлкой, направленной противъ депутатовъ, «апостоловъ и провозвѣстниковъ новой свободы». За ужасномъ, подѣ вліяніемъ вишнихъ паровъ, они вели между собой оживленный разговоръ съ перекрестнымъ огнемъ самыхъ злыхъ и острыхъ нападокъ на противниковъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ записывалъ все что говорилось, и это служило матеріаломъ для слѣдующаго нумера газеты. Но революцію также мало можно было побороть подобнымъ оружіемъ, какъ и ожесточенными нападками, къ какимъ прибѣгала роялистская печать.

Такого рода люди не были въ состояніи ни остановить бурный потокъ, ни успѣшно бороться съ крайними требованіями времени. Ихъ главная слабость заключалась въ томъ, что они стремились противодѣйствовать не однимъ только излишествамъ революціи, но и самымъ скромнымъ проявленіямъ прогресса. Ни одинъ даже очень умѣренный либераль не могъ идти съ ними впередъ. Какъ слѣбые, сбившіеся съ пути, они бросались во всѣ стороны, имѣя въ виду одинъ идеаль — прошедшій блескъ роялизма и веселое житье. Они осыпали самыми язвительными

насмѣшками предводителей враждебной партіи и получали за то награду въ похвалахъ и улыбкахъ, съ какими встрѣчались въ аристократическихъ салонахъ ихъ жестокия выходки. Но этимъ и кончилось ихъ торжество. Народъ, въ руки котораго перешла власть, и не узналъ о существованіи этихъ газетъ, если же иногда и попадался ему на глаза какой-нибудь отдѣльный номеръ, то онъ только еще болѣе воспламенялъ его ненавистью и злобою.

Роялистскія газеты были первыми, которыя прибѣгли къ кровавымъ угрозамъ и стали взывать къ грубой силѣ. Онѣ открыто проповѣдовали междоусобную войну, совѣтовали конфискаціи и тѣмъ подорвали къ себѣ всякое довѣріе. «Дѣянія Апостоловъ» въ одно прекрасное утро потребовали, въ виду, по ихъ мнѣнію, неизбѣжной контръ-революціи, шестьсотъ головъ главнѣйшихъ народныхъ предводителей. Они паучали иностранныя войска, стоявшія близъ границъ Франціи, какъ удобнѣе проникнуть въ Парижъ и печатали письма эмигрантовъ, въ которыхъ тѣ открыто выражали надежду на успѣхъ чужеземнаго оружія и угрожали, въ случаѣ своего возвращенія, въ свою очередь устроить другое потѣшное *ca ira*. Тѣ же «Дѣянія Апостоловъ» въ пѣсенкѣ легкаго содержанія выражали желаніе, чтобъ во Франціи было воздвигнуто пятнадцать тысячъ висѣлицъ, которыя «служили бы доказательствомъ кротости и мудрой бдительности императора»; — они прямо искали опоры у германскаго императора. «Журналъ для двора и города» совѣтовала національной гвардіи не терять времени, но, быстро взявшись за оружіе, броситься на якобинцевъ и перебить ихъ всѣхъ до одного человѣка. Что же удивительнаго, если противники еще превзошли эти угрозы и лишь только достигли власти, то успѣшили привести ихъ въ исполненіе?

Въ жалкой полемикѣ этой печати уже явно рисовался страшный образъ междоусобной войны.

Роялистскія газеты, кромѣ того, стоили огромныхъ денегъ. Монморенъ самъ сознавался, что онъ въ короткое время своего министерства выдалъ семь милліоновъ на подкупъ якобинцевъ, журналистовъ, ораторовъ. Мирабо, и тотъ далъ себя подкупить. Между тѣмъ, какъ дворъ такимъ образомъ сыпалъ деньгами съ одной стороны, съ другой герцогъ орлеанскій не щадилъ своихъ сокровищъ, чтобъ составить вокругъ себя партію и устроить народное возстаніе. Никто изъ нихъ не хотѣлъ понять, что купленные не стоятъ потраченныхъ на нихъ денегъ и что тотъ, кто употребляетъ чуждыя для обмана націи, рѣдко достигаетъ цѣли и никогда не получаетъ прочныхъ результатовъ.

Между этими двумя партіями, осыпавшими другъ друга бранью и клеветами, существовали еще, такъ-называемые, конституціонные листки. Къ числу ихъ принадлежали: «Французскій Меркурій», выходившій подъ редакціей Малле-дю-Пана, и газеты, издававшіяся клубомъ des Feuillants. Между послѣдними особеннаго вниманія заслуживаетъ парижскій журналъ («Journal de Paris»), гдѣ печатали свои сочиненія несчастный Андре Шенье.

Но для возбужденнаго настроенія умовъ еще недостаточно было всѣхъ этихъ газетъ, и каждый день непременно являлось на свѣтъ еще множество брошюръ политическаго содержанія, уже одни названія которыхъ должны были подстрекать любопытство читающей публики. Приводимъ для примѣра нѣсколько такихъ заглавій. «Если я не правъ, — пусть меня повѣсятъ!» «Открытие великаго заговора». «Партія въ триктракъ между королемъ и національнымъ гвардейцемъ». «Вліяніе ассигнацій на цѣну хлѣба» и т. д. ¹⁾ Какъ въ наши дни улицы Флоренціи и Неаполя внезапно оживляются въ извѣстные часы появленіемъ продавцовъ газетъ, которые крикливымъ голосомъ предлагаютъ на углахъ свой товаръ, — такъ точно по улицамъ французской столицы сновали тогда тысячами разносчики всевозможныхъ периодическихъ изданій.

Но и этого было еще мало, и газетчики нерѣдко дрались на мѣсто на стѣнахъ, гдѣ прибывали свои листки. Такимъ образомъ, толпы народа могли даромъ читать на углахъ разнаго рода прокламаціи и воззванія. Талльенъ распространялъ этимъ способомъ свою газету: «Другъ граждавъ», па что его снабжали средствами клубъ якобинцевъ. Роялистская партія, съ своей стороны, вывѣшивала на домахъ свой «Крикъ пѣтуха», который издавался на казенныя деньги. При этомъ, конечно, дѣло также не обходилось безъ борьбы. Каждое утро, па зарѣ, появлялись на улицахъ работники съ безконечными свертками бумаги и укрывали стѣны домовъ произведеніями этого особаго рода литературы. Изъ приходилось очень зорко наблюдать, чтобъ никто не пачкалъ и не срывалъ ихъ листовъ. А то случалось нерѣдко, что подкрадывался работникъ изъ противоположнаго лагеря и выдѣлывалъ свою газету поверхъ той, которая тамъ уже красо-

¹⁾ «Si j'ai tort, qu'on me pend!» «Grand complot découvert!» — «La chemise blanche» (противъ монархій) — «Aristocrate emprisonné» — «Partie de trictrac du roi avec un garde national» — «Combat à mort!» — «L'effet des assignats sur le prix du pain» — «Le premier pas à faire!» — «La chasse aux monopoleurs sur le pain» etc. etc. Journal. Mémoires de la Terreur.

валась. Все это подавало поводъ къ спорамъ и разнаго рода траги-комическимъ сценамъ.

Въ теченіи трехъ лѣтъ царствовала во Франціи полная свобода печати, пока, наконецъ, она сама не пала одной изъ первыхъ жертвъ терроризма.

10-го августа 1792 года верховная власть, вслѣдствіе народнаго возстанія, перешла въ руки жирондистовъ и представителей партіи «Горы», которые въ тотъ день заключили между собой союзъ. Людовикъ XVI былъ перевезенъ изъ Тюльери въ Тамплъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и содержался въ заключеніи. Монархія пала, а съ ней вмѣстѣ и роялистская печать. Уже 12-го августа парижская община обнародовала приказъ, чтобы всѣ «отравители общественнаго мнѣнія», издатели анти-революціонныхъ газетъ, были немедленно арестованы, а ихъ типографіи предоставлены патріотамъ. Почтовое управленіе обязано было впередъ задерживать всѣ «подозрительные» листки. Такимъ образомъ исчезъ цѣлый рядъ роялистскихъ и умѣренныхъ журналовъ, а въ числѣ ихъ и «Французскій Меркурій».

Съ той поры свободное выраженіе мнѣній кончилось и печать потеряла почти всякое вліяніе и значеніе. Лишенная права заниматься разработкой общественныхъ вопросовъ, она падала все ниже и ниже, пока, наконецъ, превратилась въ арену, гдѣ происходила недостойная борьба изъ-за чисто личныхъ интересовъ. Къ тому же, якобинцы энергическими мѣрами, къ которымъ они прибѣгли для уничтоженія враждебной имъ печати, помѣли примѣръ, которымъ послѣдующіе правители не преминули слишкомъ охотно воспользоваться.

Съ августа 1792 года до іюля слѣдующаго года еще длилась борьба между жирондистами и якобинцами. Первые, съ вступленіемъ во Франціи республики, достигли своей цѣли и хотѣли въ свою очередь остановить бурный потокъ. Известно, какъ тщетны были ихъ усилія. Вскорѣ листки Робеспьера, Марата и Фрерона съ такимъ же ожесточеніемъ обратились противъ жирондистовъ, съ какимъ эти друзья свободы сами еще такъ недавно нападали на аристократовъ. Въ маргѣ 1793 г. Конвентъ угрожалъ авторамъ сочиненій, направленныхъ противъ участію народа въ управленіи страной, смертной казнию, а распространителей такихъ «вредныхъ» произведеній тремя мѣсяцами тюрьмы и до двухъ лѣтъ каторжной работы. Правительственные комиссары и республиканскіе проконсулы, разсланные въ провинціи, прешли съвали, какія газеты могутъ безнаказанно читаться и какія ибнъ Партія жирондистовъ погибла въ октябрѣ. Гильотина быстро

останавливала всякое сопротивленіе или малѣйшій намекъ на него. Еще держались только журналы, открыто поддерживавшіе систему терроризма.

То было золотое время для «Отца Дюшена» (Père Duchesne). Такъ назывался листокъ самаго низкаго разряда, превзошедшій даже кровавыя стремленія Маратова «Друга народа». «Отецъ Дюшень» былъ не что иное, какъ народная воображаемая личность, нѣчто въ родѣ арлекина, грубый и неотесанный, гончаръ по ремеслу, который всѣмъ рѣзалъ правду въ лицо и пересылалъ свою рѣчь самими непристойными ругательствами. Имя этого народнаго представителя было дано известному листку, который Геберъ издавалъ уже съ 1790 г., но который вошелъ въ силу только съ водвореніемъ террора. Геберъ, по смерти Марата, занялъ его мѣсто и, если возможно, превзошелъ его своей жестокостью. Издаваемый имъ журналъ сдѣлался тогда чѣмъ-то въ родѣ официального органа. По приказанію Конвента онъ, въ числѣ пятидесяти тысячъ экземпляровъ, разсылался по общинамъ и въ армію, чтобы содѣйствовать ея «политическому» образованію. Одинъ номеръ газеты предназначался на каждую роту солдатъ. Нѣсколько позже Камиллъ Дюмуленъ осмѣлился упрекнуть Гебера въ обманѣ, говоря, что онъ печатаетъ меньшее число экземпляровъ, чѣмъ имѣетъ подписчиковъ. Но Геберъ хотѣлъ не только жить, но и хорошо жить. Онъ былъ истый эпикуреецъ съ изящными аристократическими манерами, бѣлокурый, съ вѣжливымъ лицомъ и голубыми глазами. Трудно повѣрить, чѣмъ изъ-подъ его пера выходили кровавыя статьи, наполнявшія столбцы «Отца-Дюшена», заглавная вѣплетка котораго изображала самого этого Дюшена, съ искаженнымъ лицомъ, угрожающую смертью стоявшему передъ нимъ на колѣняхъ аббату. Но противорѣчіе выступаетъ еще рѣзче, если вспомнить, что этотъ народный трибунъ, покровитель бѣдныхъ и угнетенныхъ, оставилъ послѣ своей смерти состояніе въ два милліона, нажитое имъ въ такое короткое время.

Правленіе Робеспьера представляетъ длинный рядъ кровавыхъ дѣлъ, жестокостей и разореній; но въ исторіи литературы ему въ мѣста. Даже такой воплощенный революціонеръ, какъ Камиллъ Дюмуленъ, и тотъ былъ смущенъ этой системой крайностей. Онъ осмѣлился возвысить голосъ въ пользу протести и за вѣстѣ съ Дантономъ, взошелъ на эшафотъ. По смерти Робеспьера измученная страна, наконецъ, легче вздохнула и въ ней пробудилась надежда на болѣе спокойныя времена.